

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024030045

Еще раз о происхождении юрацкого языка

© 2024 г. А. Ю. Урманчиева

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института лингвистических исследований РАН,
Россия, 199004, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
urmanna@yandex.ru

Резюме. В настоящей статье еще раз проанализирован материал исчезнувшего северносамодийского идиома, данные по которому были собраны в XVII в. Г.Ф. Миллером и проинтерпретированы Е.А. Хелимским. В лингвистическом отношении юрацкий входит в группу северносамодийских языков наряду с лесным и тундровым энецким, лесным и тундровым ненецким, нганасанским и маторским. Географически Е.А. Хелимский локализует юрацкий язык в северной части междуречья Таза и Енисея. Существенно, что юрацкий локализуется между энецким языком на востоке и ненецким — на западе.

Е.А. Хелимский показывает, что с точки зрения исторической фонетики юрацкий язык в ряде отношений занимает промежуточное положение между ненецким и энецким. Он также отмечает, что ряд слов юрацкого языка, не совпадающих с ненецким, имеют параллель в энецком. Исходя из этого он предлагает считать юрацкий ненецким диалектом, на который распространялись некоторые характеристики соседнего близкородственного языка. В данной работе предлагается пересмотреть данные по исторической фонетике юрацкого языка. Выясняется, что в юрацком в разных словах рефлексация одних и тех же фонемных последовательностей может иметь два варианта. Один вариант объединяет его с основной массой ненецких диалектов, а другой — с энецким языком. Такая ситуация указывает на то, что юрацкий представляет собой не результат диахронически последовательного развития периферийного ненецкого диалекта в контакте с энецким, а результат смешения ненецкого и энецкого языков.

Ключевые слова: самодийские языки, юрацкий язык, историческая фонетика, смешанный язык.

Для цитирования: Урманчиева А.Ю. Еще раз о происхождении юрацкого языка // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 3. С. 45–50. DOI: 10.31857/S1605788024030045

Once Again About the Origin of the Jurak Language

© 2024 Anna Yu. Urmanchieva

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
9 Tuchkov lane, St. Petersburg, 199004, Russia
urmanna@yandex.ru

Abstract. This article reconsiders the material of the disappeared Northern Samoyedic idiom, data on which were collected in the 17th century by G.F. Müller and interpreted by E.A. Helimsky. Linguistically, Jurak is included in the group of Northern Samoyed languages, along with Forest and Tundra Enets, Forest and Tundra Nenets, Nganasan and Mator. Geographically, E.A. Helimsky localizes the Jurak language in the northern part of the interfluvium of the Taz and Yenisei. It is significant that Jurak is localized between the Enets language in the east and Nenets in the west.

E.A. Helimsky showed that from the point of view of historical phonetics, the Jurak language in some respects occupies an intermediate position between Nenets and Enets. He also notes that a number of Jurak words that do not coincide with Nenets have a parallel in Enets. Based on this, he proposed to consider Jurak a Nenets dialect, which shared some of the characteristics of the neighboring closely related language. This paper proposes to revise the data on the historical phonetics of the Jurak language. It is demonstrated that in different Jurak words the development of the same phonemic sequences can have two options. One variant is shared with the rest of the Nenets dialects, whereas the other with the Enets language. This situation indicates that Jurak is not the result of a diachronically consistent development of a peripheral Nenets dialect in contact with Enets, but is a mixed language with Nenets and Enets components.

Key words: Samoyed languages, Jurak language, historical phonetics, mixed language.

For citation: Urmanchieva, A.Yu. *Eshche raz o proiskhozhdenii yurackogo yazyka* [Once Again About the Origin of the Jurak Language]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 3, pp. 45–50. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024030045

В настоящей статье еще раз проанализирован материал исчезнувшего северносамодийского идиома, данные по которому были собраны в XVII в. Г.Ф. Миллером и проинтерпретированы Е.А. Хелимским в публикации 1976 г. Записи Г.Ф. Миллера представляют собой один из стандартных словарных списков, которые он собирал по самодийским языкам, будучи участником второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.). Статья Е.А. Хелимского была повторно опубликована в сборнике его работ 2000 г., в этой более поздней публикации было добавлено Приложение, в котором впервые был опубликован по материалам (РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 513, д. 7, лл. 15–20) оригинальный словник Г.Ф. Миллера¹. Ниже мы будем ссылаться именно на эту работу как на [1].

В [3, с. 595] указано, что в качестве самоназвания представители этой этнической (суб)группы использовали именно термин *юрак* (*Jurak* в записи Г.Ф. Миллера). В настоящее время это – самоназвание тухардских ненцев, об использовании этого термина данной локальной группой см. [4, с. 25–26], об использовании этнонима в XVII–XIX вв. см. в [5, с. 60–61], в указанной работе рассматривается также вопрос об этимологии данного этнонима.

В лингвистическом отношении юрацкий входит в группу северносамодийских языков, наряду с лесным и тундровым энецким, лесным и тундровым ненецким, нганасанским и маторским (об отнесении маторского к группе северносамодийских см. [6]). Географически Е.А. Хелимский локализует юрацкий язык в северной части междуречья Таза и Енисея [1, с. 50], В.Ю. Гусев пишет, что «вплоть до XVIII в. юраки составляли отдельную этнографическую и языковую группу, которая располагалась

как минимум в районе реки Таз, а как максимум занимала всю обитаемую часть тундры между Обской губой и Енисеем» [5, с. 61]. В данном случае мы все же считаем более обоснованным не отождествлять напрямую распространение этнонима *юрак* в данный период с ареалом распространения того идиома, о котором пойдет речь в данной статье: этноним вполне мог использоваться представителями единой в этнографическом отношении группы, говорящими на разных северносамодийских идиомах. Как мы надеемся показать в конце работы, лингвистическая характеристика юрацких материалов также говорит скорее об узко локальном характере данного идиома.

Существенно, что какой бы взгляд на географическое распространение юрацкого – Е.А. Хелимского или В.Ю. Гусева – мы ни принимали, юрацкий локализуется между энецким языком на востоке и ненецким – на западе.

Е.А. Хелимский показывает, что с точки зрения исторической фонетики юрацкий идиом (который он называет также старовосточным диалектом ненецкого языка) в ряде отношений занимает промежуточное положение между ненецким и энецким: например, развитие сочетаний «носовой + смычный» в юрацком отличается от развития в ненецком, но совпадает с развитием в энецком, ср. юр. *libbe* ‘орел’ с л.эн., т.эн. *libe* и т.нен. *lyimpya* [1, с. 51]. Он также отмечает, что ряд слов юрацкого языка, не совпадающих с ненецким, имеют параллель в энецком. Здесь мы специально обратим внимание на то, что среди этих слов представлены не только знаменательные, но также и числительное *na'essa* ‘девять’ (л.эн. *neesaa*, т.эн. *eesaa*, но т.нен. *xasawa-yuq*; об этимологии названий девятки в самодийских языках см. [7]) и личное местоимение первого лица юр. *modi* ‘я’ (т.эн., л.эн. *mod'i*, но т.нен. *täny*). Такие лексические параллели выглядят, конечно, достаточно значимо.

На основании выделенных фонетических и лексических изоглосс Е.А. Хелимский приходит

¹ Собранные Миллером данные с некоторыми искажениями и сокращениями вошли в “Sprachatlas” Ю. Клапрота (доступной републикацией самодийских данных из него является [2, с. 36–50]).

к следующему выводу: «Эти характеристики старовосточного диалекта позволяют считать его в определенной степени переходным, занимающим промежуточное положение между ненецким и энецкими диалектами <...> распад прасеверносамодийской языковой общности происходил не скачкообразно, а постепенно, в результате довольно медленных перемещений отдельных групп самодийского населения на новые территории. При этом промежуточное географическое положение старовосточного диалекта обусловило длительное — и, вероятно, никогда не прерывавшееся — его контактирование как с другими ненецкими диалектами, так и с энецким языком. В такой ситуации на этот диалект могли распространяться некоторые инновации, характерные для энецких диалектов — что, однако, не препятствовало сохранению тесных языковых связей с основной массой ненцев. Переходный характер старовосточного диалекта мог в течение долгого времени обеспечивать его носителям высокий уровень взаимопонимания как с западными, так и с южными и восточными соседями».

Таким образом, Е.А. Хелимский вписывал картину образования юрацкого идиома в достаточно стандартную модель, в которой в рамках диалектного континуума распространение некоторых инноваций может захватывать соседствующие диалекты двух близкородственных языков и формировать ареальные изоглоссы, которые не совпадают с генетическими границами между языками. В то же время он не исключал сценария (хоть и считал его менее вероятным), при котором юрацкий «образовался на энецком субстрате в результате ассимиляции одной из этнических групп энцев ненцами» [1, с. 52]. Однако пересмотр данных по исторической фонетике юрацкого языка говорит в пользу второго сценария формирования этого идиома. Выясняется, что в юрацком в разных словах рефлексация одних и тех же фонемных последовательностей может представлять как энецкий, так и ненецкий вариант развития. Примеры такой двойственной рефлексации в словарных материалах Г.Ф. Миллера удалось найти для десяти фонем или фонемных сочетаний:

1. Рефлексация **mt*.

В энецком **mt > d*, в ненецком **mt* сохраняется (в юрацком дополнительно представлена деназализация *m* в ауслауте и в кластерах). Энецкая рефлексация **mt* представлена в юр. *ladiku* ‘низкий’ (т.эн. *lodu*, но т.нен. *lāmtiyik*), а ненецкая — в юр. *nabdorsi* ‘сиденье’ (т.нен. *ḡamtā-*, но т.эн. *ado-* ‘сесть’).

2. Рефлексация **nt*.

В энецком **nt > d*, в ненецком **nt > n*. Энецкая рефлексация представлена в юр. *ngidde* ‘лук (оружие)’

(т.эн. *ido*, но т.нен. *ḡin*), юр. *ḡaddu* ‘лодка’ (т.эн. *odu*, но т.нен. *ḡano*), ненецкая — в юр. *ḡingāni* ‘росомаха’ (т.нен. *yijḡ nyey*, но т.эн. *bigodi*), юр. *toḡḡna* ‘лиса’ (т.нен. *tyonyu*, но т.эн. *tōde* (? *tude*), юр. *chanipsu* ‘лунь’ (т.нен. *xānyebcyu* ‘полярная сова’, но т.эн. *kodeḡo* ‘сова’).

3. Рефлексация **ḡk*.

В энецком **ḡk > g*, в ненецком **ḡk* сохраняется. Энецкая рефлексация представлена в юр. *maraga* ‘морощка’ (т.эн. *moroga*, но т.нен. *māraḡka*), ненецкая — в юр. *ḡingāni* ‘росомаха’ (т.нен. *yijḡ nyey*, но т.эн. *bigodi*).

4. Рефлексация **ns*.

В энецком **ns > d'* (в лесном энецком наряду с этим **ns > s*), в ненецком **ns > nc*. Энецкая рефлексация **ns* представлена в юр. *modi* ‘я’ (т.эн. *mod'i*, эта форма восходит к сочетанию общесамодийского **mān* ‘я’ с эмфатическим суффиксом, ср. нг. *mīn-s'īā-nā* ‘я-то’), а также (как в лесном энецком) в слове юр. *jēsire* ‘брусника’. По-ненецки брусника называется *yency dyey*, название ягоды производно от глагола *yencyā-* ‘быть горьким’. В современном лесном энецком брусника называется *дичагу* ~ *дичаку* (неопубликованные словарные материалы О.В. Ханиной и А.Б. Шлуинского), это название ягоды связано с другим прилагательным ‘горький’: т.эн. *d'it'i*, л.эн. *d'it'ako*, т.нен. *yibcyika*. Но л.эн. соответствие юр. *jēsire*, т.эн. *yency dyey* ‘брусника’ выглядело бы именно как ***d'ēsīde*. Ненецкая рефлексация **ns* представлена в юр. *tinsche* ‘аркан’ (т.нен. *tīncyah*, но т.эн. *t'iod'e?*, л.эн. *t'iese?*).

5. Рефлексация **rs*.

В энецком **rs > d'* (в лесном энецком наряду с этим **rs > s*), в ненецком **rs > rc*. Энецкая рефлексация **rs* (как в лесном диалекте) представлена в юр. *berise* ‘чир’ (т.эн. *bedid'e*, т.эн. *bedise*, но т.нен. *yedyurcyu*), ненецкая — в *mērse* ‘ветер’ (т.нен. *myercyu*, но т.эн. *med'e*, л.эн. *mese*).

6. Рефлексация анлаутного **w-* перед передним гласным.

В энецком **w > b*, в тундровом ненецком в этой позиции **w > j*. Энецкая рефлексация **w-* представлена в юр. *bedu* ‘кишка’ (ср. т.эн. *bede*, но т.эн. *yedyo*), юр. *bü* ‘десять’ (т.нен. *yúq*, но т.эн. *biu*), ненецкая — в юр. *jesse* ‘железо’ (т.нен. *yeyu*, но т.эн. *bese*), юр. *jeru* ‘хозяин’ (т.нен. *yerw*, но т.эн. *biomo*).

7. Рефлексация дифтонгов.

В энецком дифтонги сохраняются, в ненецком происходит их монофтонгизация. Рефлексация дифтонгов по ненецкому типу представлена в юр. *pu* ‘год’ (т.нен. *po*, но т.эн. *pua*), юр. *nju* ‘сын’ (т.нен. *nyú*, но т.эн. *nio*), юр. *jeru* ‘хозяин’ (т.нен. *yerw*, но т.эн. *biomo*), юр. *tī* ‘олень’ (т.нен. *tī*, но т.эн. *tia*), по энецкому — в юр. *tua* ‘крыло’

(т.эн. *tua*, но т.нен. *to*), юр. *kuo* ‘береза’ (т.эн. *kua*, но т.нен. *xo*).

8. Рефлексация анлаутного *k.

В энецком *k сохраняется, в ненецком *k > x. Рефлексация анлаутного *k по ненецкому типу представлена, например, в юр. *chowa* ‘постель’ (т.нен. *xoba*, но т.эн. *kôba* ‘шкура’), по энецкому — например, в юр. *kau* ‘ухо’ (т.эн. *koô*, но т.нен. *ха*, косвенная основа *hawo-*).

9. Рефлексация последовательности *Vmä.

В энецком интервокальный *m выпадает, в ненецком *Vmä > Vbya. Рефлексация последовательности *Vmä по ненецкому типу представлена, например, в юр. *tiréwjä* ‘рыбья икра’ (т.нен. *tyiryeyua*, но т.эн. *t'iree*), по энецкому — например, в юр. *nä'essa* ‘девять’ (л.эн. *neesaa*, первая часть представляет собой местоимение *nee* ‘другой, один из нескольких’, соответствующее т.нен. *nyabyi*).

10. Назальная протеза.

В северносамодийских языках (кроме маторско-го) представлено явление назальной протезы: слово в этих языках не может начинаться с гласного, и вокалический анлаут прикрывается либо протетическим *h-* (в случае передних гласных), либо протетическим *ŋ-* (в случае задних гласных). В современном энецком языке анлаутные протетические *ŋ-* (кроме нескольких слов) и *h-* (не только протетический, но и этимологический) отпали, в ненецком протетические *ŋ-* и *h-* сохраняются. В основном в словарном списке Г.Ф. Миллера назальная протеза представлена, то есть обычна рефлексация по ненецкому типу: юр. *ngjärnä* ‘вперед’ (ср. т.нен. *nyer* — *nyah* ‘вперед’, но т.эн. *ere* ‘вперед’), юр. *ngudeesse* ‘кольцо’ (ср. т.нен. *ŋudah yesya*, но т.эн. *ида? bese* ‘кольцо’, досл. ‘железо руки’), но есть и примеры слов без назальной протезы, ср. юр. *addi* ‘нельма’ (т.нен. б.-з. *џанды* ‘связка = маленькая нельма’, но л.эн. *adi* ‘нельма’), юр. *aiwurman* ‘есть’² (ср. т.нен. *ŋəwor-*, но т.эн. *ôôr-* ‘есть’).

Итак, мы наблюдаем в юрацком сосуществование слов с двумя типами рефлексации, один из которых объединяет его с основной массой ненецких диалектов, а другой — с энецким языком. Примеров фонемных сочетаний, дающих два типа рефлексов, а также слов, иллюстрирующих рефлексацию как первого, так и второго типа, как можно видеть, найдено достаточно много. При этом надо учитывать, что юрацкий словарь Г.Ф. Миллера содержит около 250 слов, при этом часть из них повторяется (например, одним и тем же словом могут быть переведены разные понятия; кроме того, 22 слова представляют собой

Таблица. Сопоставление материала ненецкого (большеземельского и канинского говоров), юрацкого и лесного энецкого

	ненецкий		юрацкий	лесной энецкий
*ŋk	б.-з.	ŋk		g
	канин.	g		
*ns	б.-з.	ns		s
	канин.	s		
*mb	б.-з.	mb	?	b
	канин.	b		
*ŋ-	б.-з.	ŋ		0
	канин.	0		
*mt	б.-з.	mt		d
	канин.			
*nt	б.-з.	n		d
	канин.			
*rs	б.-з.	rc		s
	канин.			
*w / _V̄	б.-з.	j		b
	канин.			
дифтонги	б.-з.	монофтонгизация		дифтонг
	канин.			
*k-	б.-з.	x-		k-
	канин.			
*Vmä	б.-з.	Vbya		VV
	канин.			

составные числительные); тем самым для юрацкого мы знаем всего около 200 различных корней. Такая ситуация с двумя типами рефлексации указывает на то, что юрацкий представляет собой не результат диахронически последовательного развития периферийного ненецкого диалекта с развитием ряда изоглосс с соседним энецким диалектом, а результат смешения ненецкого и энецкого языков. Особенно показательны в этом отношении две формы одного и того же юрацкого глагола: а) *chonawī* — в списке Г.Ф. Миллера переведено как ‘спать’, вероятно, инферентивная или, что то же самое для ненецкого, причастная форма, ср. т.нен. *xonawī* ‘уснул, уснувший’; б) *modi chodegu* ‘я сплю’: этот глагол отражает прасамодийское *kontā- ‘уснуть’, и в первой форме, записанной Г.Ф. Миллером, рефлексация интервокального *nt идет по ненецкому типу *nt > т.нен. n, во втором — по энецкому типу *nt > т.эн. d. Точно так же мы находим от одного того же корня юр. *ŋamgad* ‘голодный’ (ср. т.нен. *ŋəm lə-* ‘проголодаться’) и юр. *aiwurman* ‘есть’³ (ср. т.нен. *ŋəwor-*, т.эн. *ôôr-* ‘есть’) — оба корня, несомненно, связаны с *ām- ‘есть’, при этом в первом случае слово имеет начальный протетический *ŋ-*, а во втором — нет.

Здесь также вкратце необходимо затронуть вопрос о том, что некоторые из черт юрацкого имеют

² Очевидно, какая-то финитная глагольная форма.

³ Очевидно, какая-то финитная глагольная форма.

параллель в крайнезападных говорах ненецкого. Ниже в таблице систематизирован материал по развитию интересующих нас фонемных последовательностей, где для ненецкого приводится материал двух диалектов: б.-з. — большеземельский (к этому диалекту относятся и соседствующие с юрацкими восточные говоры ненецкого), канин. — канинский, представляющий западный диалект.

Таким образом, мы приходим к выводу, что юрацкий является смешанным языком. Его происхождение отражает смешение двух вполне самостоятельных идиомов: энецкого (вероятно, лесного) и одного из диалектов тундрового ненецкого.

Можно видеть, что канинский объединяет с юрацким (и энецким) развитие сочетаний *ŋk*, *ns*, *mb* с устранением назального элемента кластера и утрата анлаутного *ŋ*-. Не следует ли интерпретировать это как независимые историко-фонетические процессы на периферии ненецкого ареала, а не как смешение с энецким (в случае юрацкого)? Против этой гипотезы можно высказать два аргумента. Во-первых, значительное число историко-фонетических процессов в юрацком находит параллель только в энецком (см. нижнюю половину таблицы). Так что для этих случаев смешение с энецким определяется однозначно. И логичным представляется постулировать именно смешение с энецким и в тех случаях, когда юрацкий демонстрирует одновременные схождения и с западным ненецким, и с энецким. Во-вторых, показателен случай кластера *nt*: в канинском говоре он дает *n*, как и во всех остальных ненецких говорах (а также в лесном ненецком), то есть этот переход произошел еще на стадии протоненецкого. В то же время в юрацком этот кластер может отражаться как *d* — как и в энецком. Такой результат развития протоненецкого *n* (< **nt*) невозможен: в протоненецком здесь мы уже не имеем кластера с начальным гомоганным назальным, который мог бы быть опущен, как в кластерах аналогичной структуры *ŋk*, *ns*, *mb*. Соответственно, появление в юрацком *d* в этом случае можно интерпретировать только как результат смешения с энецким.

При этом существенно отметить, что это, определенно, не лесной энецкий XVII в., а более ранний вариант: в энецких записях Г.Ф. Миллера этого периода **ə* всегда отражается как *o* (так же, как в современном языке), но в юрацком во всех случаях **ə* отражается как *a* (кроме двух слов: *modi* ‘я’ и *modis-* ‘видеть’, где, вероятно, влияет начальный *m*), как в его ненецких записях, ср., например, в записях Г.Ф. Миллера (цитируются по [2, с. 36]) юр. *wark*, т.нен. *wark*, но л.эн. *boggo*, т.эн. *bogo* ‘медведь’. Это означает, что в период формирования юрацкого в том варианте энецкого, который участвовал в этом процессе, огубление **ə* с переходом его в эн. *o* еще не произошло. Для доказательства этого особенно существенны слова, которые

в ином отношении обнаруживают какую-либо черту исторической фонетики, сближающую их с энецким, а не с ненецким, например, в записи Г.Ф. Миллера слово ‘низкий’ выглядит следующим образом: т.нен. *lamdu*, юр. *ladiku*, но л.эн. *rodde*, т.эн. *loddu* (цитируются по [2, с. 42])⁴. Такое систематическое различие между юрацкими записями и современными им записями Г.Ф. Миллера не просто интересно с точки зрения датировки исторических фонетических переходов в энецком. Оно также очень важно с точки зрения характеристики статуса юрацкого языка. А именно, это различие доказывает, что Г.Ф. Миллер действительно зафиксировал некоторый самостоятельный идиом, отличный как от ненецкого XVII в., так и от энецкого XVII в., и мы не можем предполагать, что анализируемый словарь просто представляет собой неудачные записи либо от двух человек, один из которых знал ненецкий, а другой — энецкий, либо от билингва, путавшего энецкие и ненецкие слова.

Вывод о смешанном характере юрацкого идиома также говорит скорее в пользу того, что число его носителей было сравнительно невелико, особенно в сравнении с числом носителей лесного и тундрового энецкого, составлявшем в XVII в. порядка 400–500 и порядка 800 человек соответственно [8, с. 38]. Так что с этой точки зрения, вероятно, предпочтительнее принимать гипотезу Е.А. Хелимского о географически достаточно ограниченном распространении данного идиома. В то же время, если предполагать, что в смешении принимал участие вариант лесного энецкого, существовавший до XVII в., это означает, что лесной энецкий в этот период был скорее южным, нежели восточным соседом юрацкого, ср. о распространении лесного энецкого к XVII в.: «Кочевья лесных энцев (“карасинских самоедов”) простирались от Среднего и Верхнего Таза на северо-восток до правобережья Енисея в районе рек Нижняя Тунгуска и Курейка» [8, с. 38].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

л.эн. — лесной энецкий; нг. — нганасанский; т.нен. — тундровый ненецкий; т.эн. — тундровый энецкий; юр. — юрацкий.

⁴ Менее последовательно выглядит ситуация с назальной протезой: например, в словах *ngidde* ‘лук’ и *ngáddu* ‘лодка’ она есть, а в слове *áddi* ‘нелъма’ ее нет, хотя все три слова имеют рефлексацию интервокального кластера по энецкому типу. Этому может быть два объяснения. Возможно, в период формирования юрацкого в энецком как раз происходил процесс утраты назальной протезы. Но более вероятным нам представляется то, что запрет на вокалический анлаут и появление в этой позиции протетического *ŋ*- (иных источников которого в анлауте нет) — это фонотактическое требование, которому достаточно легко следовать на синхронном уровне, поэтому в ряде слов назальная протеза могла быть восстановлена под ненецким влиянием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хелимский Е.А. Об одном переходном северносамодийском диалекте (к исторической диалектологии ненецкого языка) // Е.А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 50–55.
2. Donner K. Samojedische Wörterverzeichnisse (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 64). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1932.
3. Хелимский Е.А. Таймыр, нижний Енисей и бассейн Таза в начале XVIII века: заметки Г.Ф. Миллера по этнологии, этнонимии и топонимии Мангазейского уезда // В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева (сост.). Языки мира. Типология. Уралистика: Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания. М.: Индрик, 2002. С. 592–616.
4. Амелина М.К. От многоязычия к «большому переходу» на тундровый ненецкий язык: лингвистические идеологии и динамика языкового сдвига в Тухардской тундре и на сопредельных территориях в низовьях Енисея (XX – нач. XXI в.) // Урало-алтайские исследования. 2020. № 1 (36) С. 7–48. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-36-1-7-48.
5. Гусев В.Ю. Этимологические заметки по этнонимии Нижнего Енисея // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 59–74. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.018.
6. Helinski E. Zur Stellung des Matorischen innerhalb der samojedischen Sprachen // V. Gusev, A. Urmancieva, A. Anikin (eds.). *Siberica et Uralica: In memoriam Eugen Helinski* (Studia Uralo-Altaica, 56). Szeged: Szeged University, 2022. S. 479–495.
7. Gusev V.Yu. Finnic numerals for ‘8’ and ‘9’ and a possible parallel from Samoyed // *Linguistica Uralica*. 2022, Vol. 58, Issue 1, pp. 1–9. DOI: <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2022.1.01>.
8. Хелимский Е.А. Очерк истории самодийских народов // Е.А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 26–40.
9. Helimsky, E.A. *Ob odnom perekhodnom severnosamo-dijskom dialekte (k istoricheskoy dialektologii neneckogo yazyka)* [On one Transitional Northern Samoedic Dialect (to the Historical Dialectology of the Nenets Language)]. *Komparativistika, uralistika. Lekcii i statji* [Comparativistics, Uralistics: Lectures and Articles]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2000, pp. 50–55. (In Russ.)
10. Donner, K. *Samojedische Wörterverzeichnisse* (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 64). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1932. (In German)
11. Helimsky, E.A. *Tajmyr, nizhnij Enisej i bassejn Taza v nachale XVIII veka: zametki G. F. Millera po etnologii, etnonimii i toponimii Mangazejskogo uезда* [Taimyr, the Lower Yenisei and the Taz Basin at the Beginning of the 18th Century: G.F. Müller’s Notes on Ethnology, Ethnonymy and Toponymy of Mangazeya Uyezd]. V.A. Plungian, A.Yu. Urmancieva (comp.). *Yazyki mira. Tipologiya. Uralistika: Pamyati T. Zhdanovoj. Statji i vospominaniya*. [Languages of the World. Typology. Uralistics: In Memory of T. Zhdanova. Articles and Memoirs]. Moscow: Indrik Publ., 2002, pp. 592–616. (In Russ.)
12. Amelina, M.K. *Ot mnogoyazychiya k “bolshomu perekhodu” na tundrovyy neneckij yazyk: lingvisticheskie ideologii i dinamika yazykovogo sdviga v Tuhardskoj tundre i na sopredelnyh territoriyah v nizovyah Eniseya (XX – nach. XXI v.)* [From Small-Scale Multilingualism to “The Big Shift” to Tundra Nenets: Linguistic Ideologies and Language Shift Dynamics in Tukhard Tundra and the Lower Yenisei Area (20th – the Beginning of the 21st Century)]. *Uralo-altajskie issledovaniya* [Ural-Altaic Studies]. 2020, No. 1 (36), pp. 7–48. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-36-1-7-48 (In Russ.)
13. Gusev, V.Yu. *Etimologicheskie zametki po etnonimii Nizhnego Eniseya* [Etymological Notes on the Ethnonymy of the Lower Yenisei]. *Voprosy onomastiki* [Topics in the Study of Onomastics]. 2020, Vol. 17, No. 2, pp. 59–74. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.018. (In Russ.)
14. Helinski, E. *Zur Stellung des Matorischen innerhalb der samojedischen Sprachen*. V. Gusev, A. Urmancieva, A. Anikin (eds.). *Siberica et Uralica: In memoriam Eugen Helinski* (Studia Uralo-Altaica, 56). Szeged: Szeged University, 2022. S. 479–495. (In German)
15. Gusev, V.Yu. *Finnic numerals for ‘8’ and ‘9’ and a possible parallel from Samoyed*. *Linguistica Uralica*. 2022, Vol. 58, Issue 1, pp. 1–9. DOI: <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2022.1.01>.
16. Helimsky, E.A. *Oчерк istorii samodijskih narodov* [Essay on the History of the Samoyedic Peoples]. *Komparativistika, uralistika. Lekcii i statji* [Comparativistics, Uralistics: Lectures and Articles]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2000, pp. 50–55. (In Russ.)

REFERENCES

1. Helimsky, E.A. *Ob odnom perekhodnom severnosamo-dijskom dialekte (k istoricheskoy dialektologii neneckogo yazyka)* [On one Transitional Northern Samoedic Dialect (to the Historical Dialectology of the Nenets Language)].

Дата поступления материала в редакцию: 18 марта 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 2 апреля 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 апреля 2024 г.

Дата публикации: 30 июня 2024 г.

Received by Editor on March 18, 2024

Revised on April 2, 2024

Accepted on April 15, 2024

Date of publication: June 30, 2024